

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте. Стенограмма
(22.05.2018 г.)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю.Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, д.э.н., профессор;

А.В. Бугалин – руководитель Центра социэкономике кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор.

Александр Владимирович Бугалин (АВБ). Сергей Дмитриевич, Вы предложили очень интересную гипотезу – которая, на мой взгляд, даже не гипотеза, а теория, показывающая возможность перехода к новому технологическому укладу без увеличения, скорее даже – с сокращением, я бы сказал, удельных издержек на решение тех или других экономических проблем.

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Идея, которая лежит в основе, – я не скажу, что какой-то там теории или концепции, а просто – некоторого аспекта, некоторого следствия из общей концептуальной платформы нового индустриального общества второго поколения...

АВБ. Это, я сказал бы, очень важный момент...

СДБ. Да, как некое такое, скажем, теоретико-практическое предложение, которое на самом деле может иметь серьезный и практический смысл, и теоретическую подоснову тех решений, которые надо принимать для того, чтобы разогнать российскую экономику. Что я имею в виду?

До настоящего времени всякий переход на новый технологический уклад сопровождался значительным удорожанием применяемых технологий; это существенно тормозило его приход в экономику, поскольку требовало предварительного накопления необходимых ресурсов для инвестиций, того «излишка», который можно было бы направить

на новые технологии. Это было связано с превалирующей долей материальной части в технологиях предыдущих укладов, а «материальная» часть априори в целом более дорогостоящая, чем «знаниевая». Кроме того, в отличие от последней, материальная часть нетиражируема, «неразмножаема» и требует при реализации всякий раз (в любой единице технологического оборудования) затрат на вовлечение/использование материалов – тогда как «знаниевая» часть, однажды «придуманная», может быть, без особо весомых дополнительных затрат, использована многократно, да еще и, в силу природы знания (содержащегося в каждой «порции» знания всякий раз большего знания, чем конкретное, отвечающее на конкретный запрос исследователя), в разных вариантах применения. Я бы назвал это свойство «вариативностью знания»; так вот – *вариативность знания существенно выше вариативности материального предмета.*

Далее: переход к любому новому техноукладу происходит и происходит быстрее, чем к предыдущему. Причина этого – *непрерывный рост «знаниевой» части последующего уклада в сравнении с предыдущим.*

Именно отсюда – провозглашенное нами «ускорение ускорения»!

Нынешний же переход к новоукладным технологиям – в резкое, принципиальное отличие от предыдущих – сопровождается (впервые!) превазированием в новых технологиях знания.

Отсюда – еще два следствия.

Первое – более ускоренный, чем ранее, похожий на взрывной, переход на новый техноуклад («новая индустриальная/технологическая революция»).

Второе – *удешевление, а не удорожание «относительных затрат» общества на переход к новому укладу.*

О втором надо сказать подробнее.

Если исходить из того, что

а) новое индустриальное общество базируется на технологическом укладе, где знаниеемкие технологии являются превалирующими и основными, то надо понимать, что переход к новому технологическому укладу повлечет за собой расширение (в качестве базовых) тех технологий, которые имеют в основе «знания» и «емкость», имплементируя воплощенные

определенные технологические решения. Если мы понимаем, что такие технологические решения – это в основном цифровые решения, инфо-когнитивного характера, то они, эти технологические решения, являясь базовыми, сформируют определенное пространство в новом технологическом укладе и станут его основой (ядром). В этом смысле надо посмотреть, что собой представляет с точки зрения затратности переход к новым технологиям, к такого рода технологиям;

б) когда я в ИНИРе в свое время ставил вопрос о реиндустриализации российской экономики на новой технологической основе, я, естественно, предполагал, что в качестве такой основы будут выступать (более!) высокие технологии, технологии следующего уровня знаниеемкости. Сегодня их называют "высокими технологиями". Высокие технологии – это, в том числе, те технологии, которые входят в тот самый сектор NBIC-технологий, о котором только сейчас стало модно говорить. Интегрированные в нем, и так далее. А сейчас уже все говорят, и, наверное, это правильно, – интегрированные на единой цифровой платформе. То есть основа, «инфо-часть» – она в себя включит и остальные компоненты. Далее, «инфо» станет по крайней мере и той почвой, на которой будет всё остальное расти, и в то же время подспорьем, «подпоркой», за которую будут цепляться ростки всех остальных технологий. То есть – создаваться такое «заплетенное» на информации пространство.

АВБ. Почвой механизма интеграции?

СДБ. Да. Будет расти такой естественный механизм интеграции, механизм формирования основания.

Когда года три тому назад я делал доклад в Вольном экономическом обществе России, мне коллеги задавали вопрос: «Вы знаете, на это же надо большие деньги, чтобы фактически бросить то, что уже есть, существующую технологическую базу, хотя она, конечно, рано или поздно должна будет как-то уйти. Но ведь чтобы создать новую технологическую базу, необходимы огромные деньги!». Таким был один из главных контраргументов. Я в то время еще не формулировал ответ на этот вопрос так, как хочу сформулировать сейчас, а отвечал, раскрывая, образно говоря, часть решения: «Будет сильная устойчивая экономика – будут ресурсы для перехода к следующему этапу».

Это – правда.

Но – не вся.

То есть, я полагал, что так отвечать можно тогда, когда в стране принципиально принималось решение: мы всё-таки идем на реиндустриализацию, и она становится основой новой экономической модели, а идея реиндустриализации используется в качестве того, на чем строятся вообще все экономические решения – или нет? Иными словами, я предполагал, и это, мне кажется, справедливо и не противоречит тому, что я скажу ниже, но что не оттолкнет реципиентов моих мыслей от идеи перехода к НИО.2, – что сначала надо стабилизировать экономику, обеспечить некую устойчивость экономики, предложить разные рецепты в рамках реиндустриализационной модели и прочее, и потом дальше двигаться к новому технологическому этапу.

Прошло несколько лет.

Мы, во-первых, прошли в целом некую кризисную историю и получили все-таки некую устойчивость экономической ситуации в стране.

Во-вторых, этот опыт и мне оказался полезен – для некоторого переосмысления, что называется, порядка действий. Я сегодня не столь сильно убежден в том, что надо добиваться "твердой" устойчивости экономики сначала, а потом начинать движение к новым технологиям. Я сейчас гораздо более убежден в том, что надо двигаться параллельно, по возможности – даже опережая, с точки зрения технологического развития. Потому что...

АВБ. ...это новые технологии...

СДБ. ...они, первое, тоже придают, если смотреть интегрально, больше устойчивости экономике, да. Почему?

Потому что, второе, понятно: если всё будет совсем хаотично, неустойчиво, если будет неразвивающаяся экономика, то никакие технологии не помогут.

Но – третье – при том уровне сегодняшнего состояния экономики России, которое уже имеется, можно говорить и о том, что нам необходим конкретно приоритет – именно, так сказать, приоритет – тех технологий, которые будут выводить вперед.

Четвертое: какие это технологии? Я имею некоторый интересный анализ, ИНИРовский, и из др. источников, который сделан по разным источникам, разным материалам, на основе работ

разных великих и не очень великих ученых, которые исследуют разным образом отношение, так скажем, общества к новым технологиям. Точнее – отношение к новым технологиям той части общества, которая в них заинтересована – либо это реципиенты этих технологий в качестве конечных потребителей, либо реципиенты в качестве бизнеса, который использует эти технологии, либо те люди, которые управляют созданием технологий, – конструкторы, инженеры и так далее и тому подобное (то есть, разные страты, "завязанные", так или иначе, на технологии).

Итак, имеется анализ их представлений о приоритетных технологических решениях на «сейчас» и на перспективу. Мне кажется, плодотворным будет следующий подход для оценки прорывности или нужности этих технологий. Они, эти страты, формируют общие представления общества в целом: какие технологии сейчас важнее и быстрее всего движутся.

Здесь тот самый клятый рынок очень многое может подсказать. Почему? Потому что формируется общественный запрос на конкретные технологии. И понятно, что какие-то вещи могут «стрелять» и дальше, может быть, они более прорывны, стреляют чуть дальше, но они не осознаны пока обществом, потому что есть в умах этот момент использования потребности в технологиях, в каких-то вещах, пусть даже впрямую не сказано, что в технологиях, в новых применениях каких-то и так далее. Они, *эти потребности, нынешние и перспективные, и формируют общественный спрос на то, что будет идти вперед, то есть «прорывать», тащить остальное одеяло экономики за собой.*

Вот почему плодотворным представляется подход, когда мы берем и делаем такой, условно говоря, опрос какой-то, или смотрим какие-то такие вещи: «Кто чем занимается? В каких процентах, долях и т.д.?» Существует уже – я поискал, порылся, – такого рода статистика, которая нарабатывается общественными исследовательскими центрами. И там действительно по всем параметрам впереди идут некоторые, и в первую очередь – эти "ядерные" (входящие в ядро грядущего уклада) технологии. Приоритетно – инфокоммуникативнокогнитивные, если их так комплексно обозвать (ранее был термин ИКТ, инфокоммуникативные технологии, сейчас я предлагаю настаивать на другой аббревиатуре – ИККТ). На единой "цифровой"

платформе. Именно ими больше интересуется общество, ими больше интересуются инженеры, ими больше интересуются домохозяйки, «работники и рабы». То есть – все, кто задействован так или иначе в процессе, ими интересуются больше, чем другими вещами. Далее идут, так сказать, по убывающей – энергетика, электроника и прочие вещи.

Это, с одной стороны, подтверждает наше предположение, что в новом индустриальном обществе, в новом техническом укладе, который станет основой для перехода к новому индустриальному обществу, будут превалировать именно эти ИККТ. С другой стороны, это показывает нам направление, условно говоря, главного удара при этой самой цифровизации.

Что еще – пятое? Важно – что? Когда мы говорим о знаниеемкости этих технологий, мы понимаем, что информационные технологии, да и в целом ИККТ – наиболее знаниеемкие. Да, там есть, конечно, не только, условно, софт, там есть и хард, там есть и «железо», и оборудование под конкретное программное обеспечение, и прочее. Но с точки зрения знаниеемкости и насыщенности тем, что не связано с чисто материальной основой, – они гораздо выше, на несколько порядков выше, чем другие технологии, где требуются все-таки в приличном количестве материалы... Да, знания нужны, условно говоря, и при формировании сплава какого-нибудь, где знаний тоже много, но – там и материала много. При общем падении (помните, у меня было в предыдущих работах?) материалоемкости в продукте...

АВБ. ...и фондоемкости...

СДБ. Да, фондоемкости, соответственно, капиталоемкости, но в материальной части, материалоемкости, при этом мы получаем в продукте не просто увеличение доли знаниевой части, повышение знаниеемкости, а некую его информационную составляющую, я бы так сказал. Если мы понимаем смысл информации, ее сущностные черты, о чем и я, и многие уже писали, то понятно, что информация, как сублимированное, вытщенное из подсознания знание, превращаемое путем определенных манипуляций в чистую информацию, – оно не имеет такой затратности на условную единицу применения, которая требуется для применения материальных ресурсов, то есть материальной части, материального наполнения.

Таким образом, мы можем начать реиндустриализацию сразу на новой технологической основе, не откладывая, и принимая в качестве основы эти самые прорывные технологии – в той части, в которой можно отследить, какие для нас будут важны технологии, куда люди понесут свои деньги, где они будут этим пользоваться. Более того, сам этот процесс «пользования» даст деньги в эту отрасль, суботрасль. Именно эти направления можно было бы поддержать институтами государства, частно-государственным партнерством и так далее, налоговой системой, чем угодно. *В случае перехода к новым технологиям такого рода государственные затраты, бюджетные затраты будут неизмеримо меньшими, чем если бы это был переход не к таким технологиям, а к технологиям предыдущего уклада.*

Я вообще готов сделать более радикальный вывод: *новый технологический уклад, который формируется сейчас, – он будет впервые, наверное, среди всех укладов, которые были ранее, «сделан» «дешевле» по отношению к «обобщенному» продукту уклада, чем во всех остальных, предыдущих укладах; меньше будет стоимость затрат на единицу продукта, который даст по итогам этот уклад в сравнении с предыдущими. Почему? Потому что его основу составляют те технологии, которые гораздо дешевле – в силу показанных выше причин.*

Отсюда вытекает еще один вывод. Нам говорят: для перехода к цифровым технологиям, к новому технологическому укладу, развитию на базе таких технологий и так далее нужны какие-то колоссальные деньги, поэтому мы не сможем это сделать. На это я отвечаю: мы в состоянии перейти к цифровой, инфокоммуникативной, ИККТ-экономике – по той хотя бы причине, что на самом деле таких гигантских затрат это не потребует. Именно затрат бюджетных, государственных. Особенно при разумной промышленной политике...

АВБ. ...это очень важно.

СДБ. Да, но это нюанс.

Дело в том, что можно по-разному оценивать разумность политики. Давайте отойдем от преимущественно теоретических размышлений и посмотрим на практические задачи, встающие перед экономической политикой в нашей стране в контексте

сделанных выше выводов. Я думаю, это можно обозначить как вторую часть нашего коллоквиума.

Вот если отвлечься немножко, так сказать. Мы всегда работаем в рамках своих возможностей, так? Но при переходе к таким новым технологиям возможности на самом деле шире, они – реально шире. Причем «ширина» этого «коридора возможностей», как часто говорят, такова, что мы можем спокойно, абсолютно разумно, если действовать, перейти в новый технологический уклад теми ресурсами, которые сегодня у нас имеются. И это первое.

Второе: мы можем не просто перейти, обогнав (если помните «Стратегию опережающего развития» Глазьева, я тоже об этом частично писал – что, когда идет переход от одного уклада к другому, мы можем обойти, перешагнуть предыдущие уклады и обойти в технологическом и экономическом развитии их носителей).

России не надо переходить на пятый уклад, а можно (и нужно!) сразу идти в шестой. Почему? Потому что *это будет и дешевле, и быстрее.* И это еще один, так скажем, довесок, немалая гирька на эти весы – в пользу того, что мы сумеем быстрее, качественнее и лучше, с большими силами перейти на новый технологический уклад, обойдя многие другие страны.

В этом смысле мне представляется, что наша концепция нового индустриального общества второго поколения не только дает ответ на вопрос, каким это будет новое индустриальное общество, но и указывает нам на то, что практически перейти к нему, во-первых, можно. Во-вторых, для этого не нужны сверхгигантские, неподъемные для нас усилия. В-третьих, у нас есть, принимая вышесказанное как некую оценку условий и закономерностей перехода (именно – современного!), достаточные материальные, финансовые и прочие ресурсы для того, чтобы к этому приступить и это сделать. И четвертое, остается только сформировать правильную промышленную политику. Вот, собственно говоря, главное, что я хотел бы в этом диалоге сформулировать.

АВБ. Это очень важные положения. Я думаю, эти выводы и их обоснование должны быть обязательно опубликованы в серьезных изданиях... Но я бы добавил еще одну мысль, которую мы с Вами ранее обсуждали, а именно – о том, что, как хорошо

известно, информационные технологии обладают свойством распределения издержек, поэтому они намного дешевле.

СДБ. Да, это предполагается само собой.

АВБ. Но это надо проговорить всё-таки и для этого материала.

СДБ. Можно проговорить, напомнить, что ли. Хотя я это описал еще в своей первой кандидатской диссертации. Какой там был год, уже забыл? Я, кажется, в 1978 году начал писать диссертацию. Это известнейшая вещь, что информация «размножается»... я кучу свойств информации в своё время описал – в том числе, что, к примеру, даже если иметь в виду ее материальные носители, и цена их – зачастую ничто по сравнению с ценностью самой информации, то и при этом затраты на стоимость информационного файла или единицы информации, масштабируясь, приобретают практически нулевую величину, а цена диска с такой информацией будет приближаться к цене материального носителя плюс затраты на копирование/обработку (хотя вся реальная основная ценность такого продукта – в его инфосоставляющей, в знаниевой компоненте).

Почему я говорю, что знаниеёмкие технологии, или технологии, сублимированные в информационную реализацию, как раз и будут удешевляться? Именно по этой причине, по причине свойства самой информации... Вы правы: я напрасно не сказал это сейчас, упустил. Но я предполагаю, что это всё понятно.

АВБ. То, что очевидно Вам, не всегда очевидно другим, надо это помнить.

СДБ. Можно сказать, что, исходя из фундаментальных свойств информации как феномена, можно говорить о том, что цена единицы информации, уточню – размер затрат на эту единицу, стремится к нулю при увеличении количества потребителей этой информации. Понятно, что когда мы увеличиваем количество потребителей, переходя к новому укладу, а потребителей становится в разы и даже на порядки больше, потому что станет «всем это надо», тогда это может дать колоссальные доходы без увеличения затрат.

АВБ. Одно соображение «по ходу»: для читателей Вашей будущей статьи, думаю, надо напомнить, что порядок – это не в 2-3, а в 10 раз больше. Иногда и наша грамотная публика не

очень понимает, что означают определенные слова, пришедшие в обиходную речь из математики или других наук.

СДБ. Естественно, да, может, стоит учесть. При том, что в 10 – для десятиричной системы счисления. Хотя – не знаю, может, это будет лишнее, ведь этот текст – для квалифицированного читателя.

А по теме... В этом смысле то обстоятельство, что мы можем относительно дешево решать вопросы, когда мы начнём их масштабировать (к примеру, через решение инфраструктурных задач, массовое внедрение через ИККТ, находить по необходимости/потребности всё новые технологические решения) – это придаст нам больше сил, больше ускорения.

Еще один важный аспект, свойство информации – кажется, это стоит подчеркнуть, если мы заговорили об этом – это уникальность «применения по месту». То есть, когда мы создаем некий продукт, он всегда – *уникальный продукт*. Хотя мы, исходя из неких представлений о «стандарте», например, говорим: типовая чашка – одна, вторая, третья. Но если внимательно посмотреть, она не совсем типовая, а в каждой есть особенность. Там шербинка, тут рисунок не такой и что-то ещё такое. Но при этом различия материального продукта можно свести к минимуму, некоему «стандарту», образцу. При том, что все равно будут некоторые, незначимые в рамках стандарта, индивидуальные отличия. Информация же имеет гораздо больше возможностей такой индивидуализации. Несмотря на «общность», идентичность двух квантов ее, любого информационного блока, файла и единицы, она может быть уникальна даже «по месту», способу своего применения, по приложению. То есть давать разный продукт. Не буду приводить примеры, понятно, о чём речь идёт.

В результате у нас открываются не только колоссальные возможности по количественному переходу, но и – по качественному. То есть качественно видим иную ситуацию – уникальные, индивидуализированные продукты растут, при том, что в основе своей тиражируются. Да, это тоже особенность, которой невозможно добиться в «качественном количестве» при других технологических укладах, в продуктах технологического уклада. А здесь – да.

АВБ. То есть не просто одновременно стоимость производства и тиражирования стремится к нулю, но при «тиражировании» они еще и создают уникальные объекты?

СДБ. Да, и в этом – «тайна» важнейшего аспекта перехода и к технологиям НИО.2, и к самому НИО.2 – *перехода к массовой индивидуализации продукта для удовлетворения растущих индивидуальных потребностей*, а не к стандартизации, типизации продукта, как это было (в качестве одного из главных достижений) в эпоху изобретения и внедрения индустриального способа производства, массового производства однотипных индустриальных продуктов. В этом – еще одно важное отличие новоиндустриального типа производства в эпоху НИО.2. Мы уже видим повсеместно тенденцию, противоположную традиционному индустриальному типу производства – тогда шел переход от индивидуального продукта к типовому, массовому, сейчас – при возросших индустриальных (за счет роста знаниеемкости!) возможностях мы можем позволить себе удовлетворять потребность человека в индивидуальном продукте. И выше я пояснил, откуда это берется, следствием чего является. Когда мы говорим о том, что информационные технологии и вообще технологии следующего уклада в целом приведут к НИО.2, а дальше – к НОО и к ноономике (экономику НИО.2 ноономика расширяет, дополняет и затем заменяет), мы говорим на самом деле о том, что продукт будет дешевле, продукты будут «ничего не стоить», т.е. мы говорим о переходе к неэкономической хозяйственной деятельности. При переходе к ноономике ничего не будет стоить ничего, и всё будет стоить ничего. Именно по той причине, что информационные технологии этого уклада проникают всё дальше и дальше вглубь, в основу процесса по всем направлениям – в производство, труд, материалы и так далее. Они будут проникать везде, наполнять этим «ничего не стоящим» (с точки зрения усилий по его «добыче» со стороны пользователя, потребителя) компонентом весь производственный процесс и, соответственно, продукт. Потому что информационные технологии с относительно небольшой «материальной частью» под названием «робот» через какое-то время будут производить всё... Да, там будет какая-то материальная часть, но для нас то, что он будет производить, но только для нас, – это будет чисто

потребительское благо, которое не имеет цены, потому что *это* не участвует в обмене и не имеет эквивалента. Производственная система «отделится» от общества.

АВБ. Это очень существенные моменты.

Возвращаюсь к прагматике сегодняшнего дня. Вы очень справедливо сделали акцент на промышленной политике, и есть еще один аспект, который, я думаю, важно затронуть. В «производстве знаний» главная роль принадлежит человеку и его творческим способностям. Если главный «ресурс» развития – человек и его творческие способности, то формирование творческих способностей человека – это, с одной стороны, может быть достаточно затратный процесс, а с другой стороны, он, видимо, может быть организован так, чтобы не быть затратным...

СДБ. В будущем НОО не будет затратным ничего, потому что не будет «трат».

АВБ. Если сегодня мы начинаем переход, то, видимо, один из ключевых вопросов – это формирование массового креативного класса, причем...

СДБ. Ремарка: Вы знаете, как негативно я отношусь к терминологической несурязице под названием «производство знаний», мы это уже как-то обсуждали. По сути – о творчестве и роли человека: я не только не возражаю, я бы полностью это поддержал. Почему? Потому что когда мы задаем вопрос о постепенном переходе к новому укладу, мы видим, что изменяется характер труда как компоненты производственного процесса; эта часть производственного процесса будет заменена. Характер труда меняется – мобильность повышается, пятое, десятое. Растет в нем интегрально-творческая компонента.

Но в конечном счёте всё придет к тому, что человек либо должен будет постоянно переучиваться в творческом процессе (при том, что и учёба – это творческий процесс), либо он не будет ничем заниматься. Ничем не будет заниматься – такого не может быть по определению. Потому что человек – творец, что называется – создан по образу и подобию Божию как творец. Соответственно, как творец, как творец-созидатель на первых этапах новых каких-то идей, продуктов, в дальнейшем – созидатель каких-то творческих вещей, образцов культуры, ещё чего такого. В конечном счёте он не

остановится и на этом и начнет созидать самого себя, свой мозг, свой интеллект, свои знания и прочее. То есть уйдет дальше.

На каждом из этих этапов потребуются всё более и более творчески мыслящие люди. Продукт, «главный продукт» в этом плане в новом индустриальном обществе, как провозвестник переход к новому обществу, к НОО – это творческий человек. Вот это – главный продукт нового индустриального общества. Не материальный продукт, а именно творческий человек. Почему? Потому что основной продукт нового индустриального общества второго поколения – это творческий продукт, а творец – это человек. Человек, созидающий творческий продукт. Сиречь – творец.

Я еще раз твердо настаиваю на том, что роботы, искусственный интеллект – они не могут творить, как человек. Они созданы по образу и подобию человека – внешне, если можно так сказать, а человек – по образу и подобию Творца. При этом роботы могут создавать какие-то вещи по заданному алгоритму, могут создавать алгоритм по алгоритму. Но творческий процесс, видимо, все-таки – нечто иное, его никто не описал. Математическими формулами, какой-то алгеброй... Но сам по себе творческий процесс, его тайна – нераскрываемы. Неповеряема эта «гармония» «алгеброй». Это – что-то такое «из небесных сфер», что называется, дано нам свыше. Соответственно, такие вещи запрограммировать невозможно. Потому что те вещи, который человек изобретает в процессе работы, в процессе жизни, они никак не могут быть детерминированы, определены заранее, по некоему алгоритму. А техника любая, любые «интеллектуальные системы» – работают принципиально, по каким бы там ни было, но – алгоритмам.

АВБ. Совершенно верно. Это очень точно. Возвращаюсь к нашим практическим сегодняшним задачам. По-видимому, это можно трактовать как теоретическое обоснование необходимости выработки адекватной этим выводам стратегии, и в частности – индустриальной политики.

СДБ. Именно об этом можно говорить. Вот президент недавно сказал в майском указе, обозначил задачи, новые задачи, в том числе – и задачи в сфере перехода к новым решениям, созданию цифровой экономики и прочее. Правда, многие по-разному это понимают. Но неважно. Наконец-то, хотя бы вербально, это всё

обозначено, больше того, обозначено не только вербально, а кое-что и вроде начинает реализовываться, вот уже переименовано одно из ведомств в «цифровое министерство», и прочие такие вещи сделаны, которые говорят, по крайней мере, о намерении власти двигаться в этом направлении. Но вот возникает задача – и сидят умные и правильные люди и считают, сколько нужно на выполнение майского указа президента. И насчитывают, что нам дефицит составляет, Медведев назвал, 8 триллионов рублей.

АВБ. Хорошо, что не долларов.

СДБ. Да, но 8 триллионов рублей надо где-то найти за несколько лет. Я вижу здесь два аспекта, которые можно было бы обсуждать. Первый аспект, самый прагматичный и не вытекающий прямо из нашей концептуальной платформы. Он прост, как грабли. Это – всего 120-125 миллиардов долларов. У нас сегодня резервы в 500 почти. Ни один из кризисов нам не обошелся дороже, чем в 300. То есть у нас просто впустую деньги лежат. Если мы потратим эти деньги на то, чтобы разумно выстроить промышленную политику в этом плане, в том, в котором вербально хотя бы, обозначил президент, то у нас будут большие результаты. И не нужно будет потом поддерживать бесконечными резервами эту экономику, потому что она перестанет шататься, потому что она сядет в правильную колею, колею нового технологического уклада. Это надо поставить, искать надо колею, смотреть. И для этого мы как раз и пишем наши статейки.

Ну а вторая часть связана непосредственно с нашей концептуальной платформой. Не надо бояться роста затрат после старта реальной реиндустриализации по «цифровизационному» типу. Даже если эти резервы оставить, но сформировать правильное представление и ввести правильную индустриальную политику, даже практически не трогая резервы, но и не тратя много текущих средств только на финансирование гигантских «околоимиджевых» проектов (хотя, не буду отрицать, может, они (для имиджа, повышения привлекательности страны, консолидации общества и др.) и нужны – там, олимпиады, спартакиады, футбольные поля и что-то ещё? Но что важнее?). Мне представляется, что всё-таки значительная часть средств должна идти на переход к новому обществу, новому индустриальному обществу второго поколения, на развитие технологий. Но при этом ошибка заключается в том, что

оценка затрат на это дается, исходя из «минималистических» представлений о типе результатов такого перехода для экономики и «материалистических», «счётных» подходов к оценке затрат (типа: сколько нужно купить того, сколько нужно купить сего, сколько нужно компьютеров, сколько меди, стали, проката, и прочее, прочее?..), без оценки синергии вложений.

Посчитали, получили 8 триллионов. На самом деле если мы будем переходить не к этим вещам, а сконцентрируемся на переходе к информационным технологиям (то есть если «правильно» будем переходить, по моему представлению, еще раз подчеркну – при правильной индустриальной политике, промышленной политике, в том числе – в расстановке правильных инвестиционных приоритетов для бизнеса, в том числе – для создания реального инвестиционного климата в соответствующих областях и отраслях, а мы понимаем, что это – важнейшие отрасли!), то деньги активнее пойдут от инвесторов. И их будет для решения задачи достаточно, потому что этих денег, во-первых, не так много надо будет из бюджета, как выше подсчитали (потому что часть финансирования возьмет на себя частный инвестор, да и окупаемость инфотехнологий выше, чем в других отраслях, в силу тех вещей, о которых мы сегодня только что сказали), а во-вторых, они появятся, если будет правильная политика. А правильная политика прямо связана с тем, о чем мы говорим – ребята, смотрите, что мы предлагаем, что у нас за душой. Если эта модель, новая экономическая модель, примет в качестве основы задачу перехода к новому индустриальному обществу следующего поколения или, по крайней мере, формирования базовых предпосылок для нового технологического уклада, в том числе – перехода к основным информационным позициям технологического пространства, – мы получим первый эффект за 5-7, может и быстрее, лет. А дальше – воспроизводство пошло, причем это будет постоянно расширенное и «ускоряющееся» воспроизводство.

АВБ. Хорошо, Сергей Дмитриевич. Основные понятия мы проговорили.